

Анатолий Ким

ГЕНИЙ

Повесть о Смоктуновском

Анатолий Андреевич Ким

Гений. Повесть о Смоктуновском

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27093014

Гений. Повесть о Смоктуновском: Валентин; Владивосток; 2015

ISBN 978-5-906288-19-6

Аннотация

Повесть выдающегося писателя XX-XXI вв. Анатолия Кима о гениальном актере Иннокентии Смоктуновском, история их знакомства и дружбы на протяжении 20 лет. «Я с грустью вспоминаю, как Смоктуновский то ли в шутку, то ли всерьёз говорил: «Я гений». Мне грустно от того, что всякая гениальность в нашем земном человеческом мире, – в том числе и его, и моя собственная – выглядит столь жалко, грустно, убийственно беспомощно. Но я с удовольствием и в большом веселье души вспоминаю о наших встречах – пока он был жив, пока я был жив, и пока я ещё жив – и все самые маленькие черточки и детали в картинах воспоминаний о моем крёстном представляют для меня ценность неизмеримую, сладость неизъяснимую».

Анатолий Ким

Гений. Повесть о Смоктуновском

© А.А. Ким, 2015

© Издательство «Валентин», 2015

* * *

*Посвящаю повесть о гении своему брату
Валентину Петровичу Паку, выдающемуся
меценату, благотворителю, гуманисту*

Эти двадцать лет от вечности, что пришлось мне пройти по жизни рядом с ним, я не хочу ни осмысливать умным словом, ни оживлять умиленным чувством. А хочу видеть пройденное, вот как вижу сейчас, и слышать, как слышу всегда, сколько бы ни прошло времени.

Я поднимаюсь по бетонным ступеням безрадостной «хрущёвки», пятиэтажки без лифта, к себе на четвертый этаж. Мне тридцать три года и три месяца. Ровно десять лет назад я вернулся из Советской армии, где прослужил в конвойных войсках три года, и начал свой литературный путь. Он пока безрезультатно привел меня на площадку четвертого этажа –

и вот я поднимаю свои невеселые глаза и вижу перед собой не то Гамлета, не то Деточкина. Нет, скорее Гамлета, который стоял, потупившись, и смотрел себе под ноги. Он думал: быть или не быть ему на этом свете человеком, которому так нелегко живется? А ведь предстоит ещё умереть, и далее – тишина.

Итак, я поднял голову с невеселыми своими мыслями, и он поднял свою голову с гамлетовским вопросом в глазах. Глаза наши, значит, встретились. Как хорошо, мгновенно вспыхнули его светлые очи в ответ на узнавание – не артиста Иннокентия Смоктуновского, уже на весь свет прославленного к тому времени, но просто человека, у которого скребет на сердце от извечного беспокойства: как это я оказался в этом странном темном углу мирового пространства?..

Впоследствии, когда мы уже много лет были в дружественных отношениях, я помогал ему подготавливать к печати его автобиографический рассказ «Три ступеньки вниз», и там был один фрагмент... Речь шла о его первом убежище в Москве, куда Смоктуновский, провинциальный актер за тридцать, прибыл устраиваться в какой-нибудь столичный театр. «Место это было выбрано мною из нескольких... *(Речь шла о семиэтажном доме на самом выходе Остоженки к Кропоткинской площади. – А.К.)* От верхней лестничной площадки с квартирами вела еще выше узкая лестничка с полным поворотом в обратную сторону... так что, выходя из своих квартир, жильцы не могли видеть меня, и я мог

спокойно возлежать на подоконнике замурованного окна у громыхающего, астматически шумящего лифта... Я здоров душой и телом... И вместе с тем я не мог бы поручиться, что этот подоконник, у самого чердака шестиэтажного здания был простым, нормальным подоконником. Иначе чем можно объяснить хотя бы то, что человек на подоконнике, заложив руку за голову, одиноко вытянуто лежит, вроде спокойно глядя в потолок... Но вдруг ошалело вскакивает и громко начинает выкрикивать обличительные монологи...» И там, в первую нашу встречу на полутемной площадке пятиэтажки без лифта, я увидел лицо человека, готового начать выкрикивать отчаянные обличительные монологи. О, как много можно прочесть на лице человека, одиноко стоящего где-нибудь в темном углу, когда тот уверен, что его никто не видит.

Я бросаюсь к нему почти в священном ужасе, ибо на всем колоссальном пространстве Советского Союза он был единственный Художник, который делал не то, что повелевала делать несокрушимая воля социалистического реализма, но сотворял образы несчастных людей, дорогих для всего человечества – Гамлета, Чайковского, Деточкина...

Я спрашиваю:

- Как вы сюда попали? Что вы здесь делаете?
- Я к матери... Она куда-то вышла, наверное.
- Так пойдёмте ко мне, у меня и подождете.
- Спасибо!

И вот он у меня, в крошечной квартирке из двух смежных комнат. В окно светит вечернее солнце. Осенний месяц, далекая синева. Он сидит на стуле, ссутулившись, молчит. И я сижу напротив, на другом стуле, и тоже молчу. Этих стульев у меня всего два, они немецкие, из ГДР, самые дорогие предметы моей скромной мебелировки. Он молча озирает жилище, но смотреть особенно не на что. Кроме стола, за которым мы сидим, в комнате еще стоит детская кроватка с деревянными точеными перильцами. Все в стиле не осознающей себя нищеты того же упомянутого ретро социалистического реализма. Так и не осознавая своей вопиющей бедности, я сижу молча минут пятнадцать, в сильнейшем волнении от предчувствия чего-то великого, неописуемого, громадного, ослепительного. С лестничной площадки раздались за входной дверью звуки громкого разговора, голос женский и потом мужской, хлопнула дверь, мой гость встрепенулся и встал.

– Кажется, мои пришли, – молвил он и покинул меня, коротко кивнув на прощанье.

Я остался в смятении сильного волнения и недовольства собой: случилось чудо, в мой дом вошел тот единственный, который своими работами пробудил надежду, что творчество и у нас в стране может быть свободным. Случилось чудо, ко мне приходил сам Бог, может быть, а я не узнал Его и молча просидел, как болван, на своем зеленом немецком стуле.

Но минут через двадцать он вернулся, и я едва узнал его – Смоктуновский явился в домашних тапочках, ярко-красной рубаше, в руках держал картонную коробку из-под обуви, перехваченную посередине бумажной веревочкой. Никакого даже намека на трагического Гамлета. Он развязал эту веревочку, одним точным движением дернув ее за кончик узелка бантиком. В коробке из тонкого рыхлого картона лежали рядком уложенные мелкие золотистые рыбки, копченая мойва. Разнесся по моей бедной комнате восхитительный запах горячего рыбного копчения. Запах божественный, опять-таки.

Смоктуновский, хищно растопырив длинные пальцы своей поросшей рыжим волосом руки, запустил ее в стройные фаланги уложенной золотистой рыбы, казалось, желая разом захватить и вытащить из коробки всю небольшую армию копченой мойвы. Но как-то неуловимо быстро и незаметно сумел сократить роковой распах своих худых пальцев, и выхватить из коробки приличную горсть рыбы, однако не всю партию балтийского деликатеса. Взятый в захват ворох мойвы был щедрым жестом сброшен посреди стола и лег золотистой горкой, в которой рыбы было, показалось мне, намного больше, чем изначально во всей коробке. И впоследствии, читая, как Иисус накормил тысячную толпу паломников четырьмя рыбинами, я ничуть этому не удивлялся, ибо подобное чудо видел у себя дома.

– Это вам, угощайтесь. А это я отнесу родителям. – С этим

Смоктуновский накрыл коробку картонной крышкой и ушел к своей любимой теще.

Шира Григорьевна Горшман, моя соседка, новеллистка, писавшая на идиш – языке, в котором звучало и что-то немецкое, и что-то русское, одесское, и несомненно еврейское – интонационно скорбно-задорное, иногда переходящее в конце фразы в унылый шепот. Вот Шира читает, нацепив на свой красивый мясистый нос очки отнюдь не модняцкие, напоминающие какие-то былые чеховские времена. Читает свой рассказ сначала на идиш, затем в русском переводе, желая донести до моего слуха те музыкальные ценности, которые были заложены на языке оригинала. Но эти сокровенные ценности, – знает любой писатель, – увы, невозможно передать в переводе на другой язык. Однако Шира, натурально читая мне на идиш, хотела вдолбить в моё корейско-русское ухо напевное звучание скорбной еврейской души, которое не могло быть сполна передано в русском переводе...

Я также читал ей свои рассказы, и надо сказать, что в ту пору, когда совершенно не был уверен в том, что хоть что-нибудь получается, эти чтения для меня очень многое значили. Шира Горшман, член Союза писателей, к тому времени имевшая уже две книжки новелл, выслушивала мои рассказы с таким добрым вниманием, столь глубоко вникала в их драматическую корейскую сахалинскую скорбь (первые прозаические мои опусы были о сахалинских корейцах), сопереживала моим героям и внимала их печальным историям

с таким печальным взглядом своих синих глаз, словно дело шло о ее местечковых евреях и об их невеселых делах. Так уж совпало, что мы о своих соплеменниках писали невероятно грустные истории, – и тем напоминали, наверное, двух бедолаг, которые развлекаются тем, что рассказывают друг другу, на перемену, одну историю печальнее другой. Должно быть, некоторых людей тянет больше на грустное, нежели на веселое. Но нам было взаимно интересно, и мы смогли дать друг другу подлинное творческое утешение – смиренная еврейская писательница, пишущая на идиш, и начинающий корейский писатель, пишущий на русском.

Несколько дней спустя Смоктуновский снова зашел ко мне. Был он в домашней одежде, в тапочках, – приехал из Ленинграда по каким-то делам и остановился у тещи. В то время он жил в северной столице, куда его пригласили работать в БДТ, и там он играл князя Мышкина в спектакле по роману Достоевского «Идиот». Роль была настолько знаменитой, что посмотреть ее люди приезжали даже из Москвы... Я не видел Мышкина в исполнении Смоктуновского, но слышал много легенд, в которых буднично звучали слова «гениальный», «великий», «неповторимый», «недостижимый». И этот легендарный и великий и недостижимый запросто пришел ко мне, уселся на зеленый немецкий стул, и глядя мне в глаза, сказал как-то очень просто и необидно:

– Я знаю, что вы пишете. И вас не печатают. Так вот, прошу вас, выберите два рассказа, которые на ваш взгляд могут

быть напечатаны, и дайте мне.

Я ему ответил, что уже скоро десять лет, как хожу по редакциям, и меня никто не собирается печатать. Теперь уже совершенно ясно, что печатать не будут. Десять лет дебюта – это немало.

– Да, немало, – согласился он. – У вас великое терпение, вы молодчина.

– Но терпение уже кончилось, – признался я. – Уже больше не хочу ни терпеть, ни писать.

– И что же будете делать? – спросил он, все так же в упор глядя мне в глаза.

– Пойду, выучусь на водителя троллейбусов, – ответил я. – Мне очень нравится эта работа.

Я не стал ему рассказывать, что совсем недавно, в слякотную погоду, после внезапного осеннего снегопада, как это порой бывает в Москве, я шел по краю тротуара, только что выйдя из редакции толстого журнала, в котором мне снова отказали. Редактриса, дама, так сказать, со следами былой красоты на лице, но уже начинающая седеть, мелко-курчавая, как мерлушковый барашек, стала говорить, не глядя на меня, о том, почему мои рассказы не подошли журналу. С большим волнением выслушав ее, я вдруг ужаснулся внезапной догадке: да ведь дамочка совсем не читала моих рассказов!

Она несла какую-то полную ахинею, не имеющую ничего общего с их содержанием. Может быть, она перепутала

их с чьими-то другими рассказами, другого автора? (Много лет спустя, когда я уже стал, как говорится, велик и славен, эта дама, работавшая в книжном издательстве, попросила у меня рассказы для коллективного сборника московских писателей. Я взял да и отнес ей те рассказы, которые она забраковала для журнала. Вы бы послушали, как восхваляла она их на этот раз, вот умора! Но я не стал злорадствовать и веселиться по этому поводу: передо мной сидела уже совершенно седая белая овечка, чьи мерлушковые кудри сильно поредели, являя постороннему взору беспомощно розовую младенческую кожу. К тому времени я уже был крещен, и мне нравилось христианское правило: возлюби обижающих тебя...)

Близко проехал мимо, обгоняя меня, синий троллейбус, из-под колес его вылетела тяжелая лепеха жидкого снега и шлепнулась мне на ногу. Как-то очень быстро, мгновенно, ногу промочило. По своей беспечности я не имел надежной сезонной обуви и поздней осенью бегал в летних туфлях, которые в пору моей молодости назывались «полуботинками». Я отошел от края тротуара и, вывернув ногу, осмотрел туфлю: сбоку над самой подошвой оказалась просечка, продолговатый разрыв в истлевшей коже обуви, которую я носил бессменно. Туда, в эту рваную скважину, и натекла холодная снежная водица. Мне было уже тридцать три года, и я навсегда запомнил эту несчастную дырочку в полуботинке, вопиющий знак моей неблагополучной жизни. Десять лет бегать

по редакциям и не удостоиться быть напечатанным ни разу – это круто. Я и сказал Смоктуновскому об этом, вдруг припомнив в ту минуту дырочку в башмаке. Но разумеется, таким ничтожным фактом я не стал загружать внимание моего чудесного гостя. Ничего не сказал и о том, что, когда обрызгавший меня снежной жижой троллейбус медленно продвигался мимо, обгоняя меня, у меня возникло мгновенное желание кинуться под его задние колеса – передние уже прошлепали мимо. Однако я, к великому счастью для человечества, на мгновение замешкался и пропустил нужный для демона отчаяния момент – троллейбус ушел вперед, вильнув на прощанье забрызганным грязью толстым задом.

А вот еще один фрагмент из того же рассказа Смоктуновского. «После одной из неудачных вылазок в очередной театр поднялся я к своему подоконнику. Ни мыслей никаких, ни возбуждения, – хорошо помню – не было, только усталость... К этому времени я побывал уже в четырех или пяти театрах... Эти похождения из одной двери в другую были долгими, утомительными и, как теперь понимаю, просто напрасными – бесплодными... Главный режиссер одного драматического театра на улице Горького... мимоходом промямлил: «У меня со своими-то актерами нет времени разговаривать, а где же взять его на пришлых всевозможных...» Если тебе дают адрес и мило говорят, что де, мол, будешь в Москве – заходи, это совсем не значит, что ты так же мило можешь заходить. Тебя пригласили, с тобой были любезны,

ну и будет... И вот, размышляя, я с неотвратимой ясностью вдруг увидел, что за все это долгое время не только ничего не изменил к лучшему, но еще больше, глубже увяз в этом глухом непонимании, и что выхода, пожалуй, и нет».

Что ж, все очень похоже, Москва, как говорится, бьет с носка. Похоже, но разница только в том, что завоевание своего места в Москве у него шло отчаянных несколько месяцев, а мой собственный дебют затянулся на десять лет...

– Я вам ничего не обещаю, – сказал Смоктуновский. – Я просто попробую рассказы ваши где-нибудь показать. Если вы не возражаете.

– Не возражаю, но я уже десять лет бегаю по редакциям... – и т. д. и т. п., о чем уже было сказано.

А он сидел напротив меня и смотрел в мои глаза своими синими мерцающими глазами и улыбался всеми ямочками на своих молодых еще ланитах. Через два месяца с той же чудесной улыбкой он смотрел на меня, держа в руках первый номер журнала «Аврора» за 1973 год, и говорил:

– Ну, вот видите, как славно получилось! Рассказы-то ваши просто замечательные! Замечательные! Мне очень понравились. И откуда только у вас, узкоглазого азиата, такой удивительный русский слог!

– Но, Иннокентий Михайлович! Неужели вы не читали и отдали их в журнал? – несколько опешил я и даже слегка обиделся... Он сразу же быстро все понял, вскинулся и ответил как-то очень убедительно, обезоруживающе, по-смок-

туновски, ясной скороговоркой:

– Только из-за суеверия! Не хотел сглазить. Но я, и не читая знал, что рассказы хороши. Мне Шира Григорьевна говорила...

Шира Григорьевна и ее муж Мендель Хаимович, писательница и художник, были явлены мне также не случайно, как и Смоктуновский. Хотя никакой нужды в том не было у этих старых евреев, чтобы в их жизни появился нищенствующий писатель, кореец по национальности, с чистопородной корейской семьей – жена-корейка и двое детей-корейчат. Для меня эта еврейская чета истинно была послана Богом, ибо через их дом вошел в мою судьбу Смоктуновский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.